



А. Ю. Минаков

ИДЕАЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА  
В ВОЗЗРЕНИЯХ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ  
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

*Анализируется консервативная ретроспективная утопия, основными компонентами которой были самодержавие, православие, принцип иерархии, превосходство сельского образа жизни над городским, программа национального воспитания.*

*This article analyses the conservative retrospective utopia, the main elements of which were autocracy, Orthodoxy, the principle of hierarchy, the supremacy of the rural way of life over the urban one, and the programme of national upbringing.*

**Ключевые слова:** русский консерватизм, общественное и государственное устройство, иерархия, самодержавие, национальное воспитание.

**Key words:** Russian conservatism, state and social structure, hierarchy, autocracy, national upbringing.

Идеал общественного устройства идеологи русского консерватизма первой четверти XIX в. (Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза, М. Л. Магницкий) видели прежде всего в «сконструированном» ими образе русского исторического прошлого. Из текстов А. С. Шихова четко вырисовывалась картина социума, в котором отсутствует антагонизм между знатью и простонародьем, между богатыми и бедными, между дворянской элитой и крестьянской массой [1, с. 458–459]. В то же время общество это жестко стратифицировано, в нем господствует «благотельная» социальная иерархия, оправдываемая христианством с его иерархичной картиной мира. Для С. Н. Глинки было характерно уподобление всех социальных отношений семейным, когда Бог рассматривался как отец всего человечества, монарх, начальник (помещик, полководец, чиновник и т. д.). Отношения взаимного подчинения образовывали сложную общественную иерархию, когда каждый человек добровольно выполнял свои функции, видя в этом высший долг. При этом на монарха ложилась наибольшая ответственность в сравнении с его подданными [2, с. 52–72].

Политическим стержнем подобного общества, по мнению консерваторов, могла быть только самодержавная монархия. С точки зрения Н. М. Карамзина, самодержавие представляет собой «умную политическую систему» [3, с. 22], которая возникла в результате синтеза автохтонной политической традиции «единовластия» и политического идеала Византийской империи [3, с. 23]. Все государственные и общественные институты были «излиянием монаршей власти» [3, с. 24]. Исключительную роль играла православная церковь – «совесть» [3, с. 36] системы, задающая нравственные координаты для монарха и народа в стабильные времена [3, с. 36]. Самодержавие зиждилось также на общепризнанных народом традициях, обычаях и привычках, на том, что Карамзин обозначал как «древние навыки», «дух народный», «привязанность к нашему особенному» [3, с. 32]. В силу всего вышеперечисленного самодержавие было «палладиумом России», главной причиной ее могущества и процветания. Основные принципы монархического правления должны были сохраняться и впредь, дополняясь должной политикой в области просвещения и законодательства, которые вели бы не к подрыву самодержавия, а к его максимальному усилению.

В консервативном дискурсе того времени наблюдается апология земледелия и связанного с ним образа жизни, но одновременно зафиксированы и своего рода традиционалистские фобии в отношении промышленного развития. А. С. Стурдза развил целую теорию превосходства сельского образа жизни над городским. По его мнению, промышленность, торговля и города не имели в отличие от земледелия, в котором «утверждается самобытность народов», «постоянного, спасительного влияния <...> на судьбу, характер и нравственное развитие человечества» [4, с. 155], поскольку торговля и промышленность «могут занять в быту общественном не первое, но второе, подчиненное и, следовательно, условное лишь место» [4, с. 163]. Россия же, с точки зрения А. С. Стурдзы, была одной из тех стран, которые, будучи преимущественно сельскохозяйственными, «приняли на сцене мира венец первенства нравственного, не подверженного быстрому увяданию и упадку, постигающему коммерческие государства» [4, с. 159]. Стурдза считал, что промышленность и торговля необходимы там, где земледелие не может прокормить население, только в этом случае «верховная власть, соображая обстоятельства времени и места, должна прибегнуть к заведению мануфактур, к усилению мореплавания или к правильной, зрело об-



думанной системе повременных переселений» [4, с. 161]. Мотивы превосходства крестьянского, земледельческого, деревенского образа жизни над торгово-промышленным, городским, вплоть до отрицания последнего, вообще говоря, довольно характерные для русского консерватизма в XX в. (достаточно вспомнить творчество писателей-«деревенщиков»), были впервые в столь отчетливой и яркой форме сформулированы именно А. С. Стурдзой.

Огромную роль в обществе, полагали консерваторы, должна была играть религия. Православие в их воззрениях приобрело характер политической идеологии, противопоставляемой модным в то время просветительскому проекту, масонству, мистицизму протестантского толка и экуменическим утопиям. Православие выступало в их воззрениях идейным фундаментом позитивных культурных и нравственных традиций, которые противопоставлялись дворянской галломании. Впрочем, за исключением А. С. Стурдзы, большинство светских русских консерваторов первой четверти XIX в. собственно богословскими вопросами не интересовались.

Ранние русские консерваторы разработали языковую утопию, базирующуюся на ряде мифологических представлений. Так, согласно А. С. Шишкову, язык выступал как субстанция народности, квинтэссенция национального самосознания и культуры. Он и его сторонники считали, что современный ему русский язык через церковнославянский является прямым «наследником» античной языческой греческой древности и христианско-православной Византии. Традиционный «славянский» язык сам по себе сакрален. Именно поэтому не допустимы заимствования из секуляризованных западноевропейских языков, особенно французского. Как справедливо отмечает М. Г. Альтшуллер, «понятие языка у Шихкова очень широко и в его рассуждениях практически приравнивается к культуре народа в целом» [5, с. 145]. Интересно отметить «параллелизм» данных представлений с популярной в то время идеей В. фон Гумбольдта о том, что формой выражения духа народа является язык [6, с. 174]. Языковая модель А. С. Шихкова, предполагающая конструирование языковой традиции, была тесно связана с идеей самобытного пути развития России.

Еще одним существенным компонентом идеального общественного устройства была индивидуальная и общественная мораль, превращающая консервативный общественный идеал в идиллическое царство «добродетели» и «чистоты нравов». Понятие «добродетель» включало в себя прежде всего «русскость», религиозное послушание, преданность монархии и законопослушность. «Чистота» нравов была подвергнута искажению из-за некритического заимствования западных новшеств в начале XVIII в. Почти у всех ранних русских консерваторов можно найти довольно резкие инвективы в адрес Петра I, причем, как правило, лишь в не предназначенных для цензуры текстах. Они обвиняли Петра в социокультурном расколе и предлагали свои рецепты оздоровления общества. Русские консерваторы XVIII в. полагали, что «чистота нравов», чистота традиции сохраняются в простонародье «при прежних наших духовных песнях, при священных книгах, при размышлениях о величестве Божием, при умствованиях о христианских должностях и о вере, научающей человека кроткому и мирному житию» [1, с. 423].

Русские консерваторы провозгласили необходимость национального воспитания с опорой на собственные языковые, политические, бытовые традиции (например, в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии. С. Н. Глинка разработал детальную программу так называемого «русского воспитания», основанного на изучении мифологизированной в героическом стиле русской истории, обращении к «старине» и русскому прошлому, отказе от французских мод и предметов роскоши, разоряющих русское дворянство и приводящих к порче общественной нравственности, филантропии. Он считал необходимым создание пантеона «светских святых» (идеализированные в консервативном духе образы Петра I, Екатерины II, А. В. Суворова и т. д.), сознательное подражание образу жизни и мысли которых должно было преобразить «современных русских». Он был сторонником идей Шихкова и призывал к максимальному использованию слов с русскими корнями вместо заимствованных иностранных.

Особое место в представлениях ранних русских консерваторов об идеальном общественном устройстве должна была занять «христианизированная» наука. Главная цель светского образования, согласно А. С. Стурдзе, определялась как достижение «спасительного согласия между верою, ведением и властью... между Христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским». Это предполагало существенные ограничения в преподавании философии в просветительском и материалистическом вариантах и естественного права [7, с. 199], что и было осуществлено на практике М. Л. Магницким и Д. П. Руничем в Казанском и Петербургском университетах в первой половине 1820-х гг.

В области права наиболее влиятельными идеологами выступали Н. М. Карамзин и М. Л. Магницкий. Так, Карамзин сформулировал идею «русского права»: «законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств» [3, с. 91]. «Русское право также имеет свои начала, как и Римское; определите их, и вы дадите нам систему



законов» [3, с. 94]. Магницкий также предлагал создать «уложение истинно Русское» [8, с. 369]. Российское законодательство того времени не устраивало Магницкого потому, что было результатом заимствования западноевропейского юридического опыта. Последний же, считал он, возник на основе чуждых начал: языческого римского права и церковного католического права, а потому был неприменим к русским условиям [8, с. 370–371]. Магницкий предлагал взять за основу нового уложения «византийское право», «совершенно очищенное от всех языческих примесей <...> истинное наследие наше после Греческой империи» [8, с. 371], которое развивалось в России в течение нескольких веков, вплоть до Соборного уложения царя Алексея Михайловича. Затем «златая цепь нашего отечественного законодательства» была порвана так, что даже «следа ее ни в законодательстве, ни в правоведении нашем не осталось» [8, с. 373]. С целью исправления положения Магницкий предлагал создать комиссию для систематического сбора существующих законов, и особый комитет, который «заялся бы историческим обозрением права византийского всего нашего законодательства в добром духе», где было бы «все согласное с православием, все приличное самодержавной власти, обычаем и духу народа нашего собственного», «на духе нашего вероисповедания и на праве каноническом греко-российской церкви утвержденное». По мнению Магницкого, создание подобного «Русского уложения» воочию продемонстрировало бы намерение «воскресить действительные наши права» на наследие «Империи Греческой» [8, с. 374].

Итак, если говорить об основных чертах государственного и общественного устройства в дискурсе раннего русского консерватизма, то речь шла об обществе социальной гармонии, представляющем собой некое добровольно-иерархическое, «единое национальное тело», в котором наиболее заметными сословиями выступают дворяне, духовенство и крестьяне, первые — в качестве властной элиты, вторые и третьи — в роли основных хранителей традиционных нравственных ценностей, последние, находясь на низшей ступени социальной иерархии, являются и производителями «хлеба насущного». В экономике такого общества доминирует сельскохозяйственное производство, которое в нравственном отношении предпочтительнее городской промышленности и торговли. В качестве главной «несущей» политической конструкции подобного государства и общества выступает самодержавие — основной субъект общественного развития и гарант безопасности, «палладиум России». Православие — идеология, которая предохраняет от нравственного и культурного «загнивания», характерного для Запада, в особенности для революционной и наполеоновской Франции. При идеальном общественном устройстве, с точки зрения консерваторов, должны конструироваться («возрождаться») различные самобытные традиции — прежде всего языковые, культурные и бытовые (например, в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах), в общественном воспитании культивироваться патриотизм, законопослушание, национальное чувство. Общественная нравственность в подражание христианскому идеалу весьма аскетична. Разрушительный для традиционных ценностей рационализм, носителем которого является наука, по мнению консерваторов, можно нейтрализовать синтезом науки и истин веры. Также подразумевается достаточно строгая изоляция от секулярной западноевропейской культуры. Право как таковое не отвергается, но создается в строгом соответствии со сконструированной национальной традицией.

Подобное идеальное государственное и общественное устройство напоминало ретроспективную утопию. Оно имело сравнительно мало общего с исторической реальностью, а попытка воплотить на практике подобный идеал означала бы попытку реализации идеи создания «нового» русского народа и культуры на консервативно-традиционалистских началах. Подобного рода попытки воспринимались большинством образованных вестернизированных современников как проявления крайнего «обскурантизма» и «мракобесия».

#### Список источников и литературы

1. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собрание сочинений и переводов. СПб., 1824. Ч. 2.
2. Киселева Л. Н. Система взглядов С. Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Ученые записки Тартуского университета. 1981. Вып. 513.
3. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991.
4. Стурдза А. С. О влиянии земледельческих занятий на умственное и нравственное состояние народов. Одесса, 1834.
5. Альтшуллер М. А. С. Шишков о Французской революции // Русская литература. 1991. №1.
6. Евграфова С. М. Память и общество: психологические аспекты // Сотворение истории. Человек. Память. Текст: цикл лекций. Казань, 2001.
7. Наставление для руководства Ученого комитета, учрежденного при Главном правлении училищ // Журнал департамента народного просвещения. СПб., 1821. Ч. 1, №2.
8. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807 – 1829 год). СПб., 1883.



---

**Об авторе**

А.Ю. Минаков — канд. ист. наук, доц., Воронежский государственный университет, директор Зональной научной библиотеки ВГУ, e-mail: arkady@vmail.ru

**Author**

Dr. A. Yu. Minakov, Associate Professor, Voronezh State University, head of the Zone Research Library at VSU, e-mail: arkady@vmail.ru